

● ЗВЕЗДА РУДОЛЬФА НУРИЕВА

Аргументы и факты - 1993 - 91В (12)

«Как дикий зверь
в светских гостиных»

Овации в Театре на Елисейских полях в Париже начались еще до того, как поднялся занавес. Одно упоминание имени этого человека привело зрителей в неистовство. Когда он ступил на сцену, его встретили громом аплодисментов, не смолкавших с полминуты. Когда же танец закончился, его вызывали аплодисментами на сцену тридцать раз... Все это было в 1961 г. - Рудольф Нуриев тогда впервые выступал на Западе после бегства из СССР.

В октябре прошлого года, после премьеры новой постановки «Баядерки», подготовленной для Парижской Оперы, он ступил на сцену последний раз в жизни. Уже несколько лет ходили слухи о том, что он болен СПИДом, и в этот раз он выглядел настолько слабым, что его пришлось поддерживать двум танцорам. Но в тот момент, когда он появился на сцене, на него обрушилась волна цветов, и целых 10 минут не смолкали аплодисменты и приветственные крики зала. Здесь снова было неистовство - но другого рода: не волнение ожидания, а море любви, признательности и ярких воспоминаний. Всущности, балетная карьера Нуриева закончилась задолго до его недавней смерти в Париже в возрасте 54 лет. И не смерть его, а вся его жизнь изменила мир танца.

Окончание на с. 7

● Р. НУРИЕВ ОСТАЛСЯ НА ЗАПАДЕ В 1961 Г.

Окончание. Начало на с. 1

«ЗРИТЕЛИ ВОПИЛИ
В КРЕСЛАХ»

Танцоры, вызывавшие шквал сенсаций, были и до нуриевского дебюта на западной сцене - вспомним того же Нижинского. Такие танцоры приходили и после Нуриева - например, Михаил Барышников. Но никому не удавалось

Аргументы и факты - 1993 - 91В (12)
«Как дикий зверь
в светских гостиных»

так зажечь публику, как это делал Нуриев в зените своей славы.

В мир танца, подчинявшийся основному закону Жоржа Баланчина - «Балет - это женщина», Нуриев привнес мужское начало. И, делая это, он открыл новые удивительные возможности передачи на балетной сцене не только красоты и волнения, но и подлинной драмы чувств. Достоянием истории стала его работа с Марго Фонтейн - «бриллиантом из короны Британского королевского балета»: она была на 18 лет старше Нуриева!

ЖИЗНЬ В ВЕЧНОМ
ДВИЖЕНИИ

Нуриев родился в 1938 г. в поезде, двигавшемся по берегам озера Байкал недалеко от Монголии: символ начала жизни, которую предстояло прожить в вечном движении. Его мать спешила на встречу с отцом, служившим в армии. В какой-то момент семья остановилась в Уфе, считавшейся тогда отдаленным административным центром провинции. «Основное, что осталось в памяти от того времени, - голод, постоянный голод», - писал позднее Нуриев в автобиогра-

фии. Его первые впечатления о балете сложились от выступлений местной балетной труппы, но даже они бесповоротно повернули его разум и сердце к танцу. Он обучался у местных преподавателей, однако серьезную подготовку удалось начать лишь в семнадцатилетнем возрасте в школе Кировского балета в Ленинграде. После трех го-

рячих лет учебы его приняли в труппу. Его талант и беспокойный дух стяжали ему известность у властей - особенно после того, как он громогласно, хотя и заведомо безрезультатно выступил за воспитание артистической индивидуальности.

Нуриев вырвался на свободу в июле 1961 года, когда труппа Кировского балетного театра находилась в аэропорту Ле Бурже под Парижем в ожидании рейса на Лондон. Его выступления в Париже были встречены с огромным энтузиазмом. Когда руководитель театра сказал, что вместо полета в Лондон ему предстоит вернуться домой, чтобы выступать в Кремле, он сразу понял: власти боятся, что он «сбежит». Но разговор происходил неподалеку от двух французских полицейских, и Нуриев бросился к ним, выдохнув на бегу: «Я хочу здесь остаться!»

В течение трех последующих десятилетий он танцевал - в сущности, без перерывов, поскольку лишения, которые он претерпел в детстве, сделали его бесконечно жадным до движения. Он гастролировал и с известными труппами, и с балетными труппами, создаваемыми на короткое вре-

мя. Он «проглотил» балетную классику, а затем перешел на таких современных мастеров, как Марта Грэм, Пол Тейлор и Жорж Баланчин. Он обратился к постановочной деятельности и как бы заново прочел такие классические произведения, как «Лебединое озеро» и «Спящая красавица», стремясь придать новый блеск мужским партиям. («Это выглядело так, как если бы в светской гостиной выпустили на волю дикого зверя», - так отзывался о его лондонском дебюте один из английских журналистов).

СМЕРТЬ, СОХРАНИВШАЯ
ЛЕГЕНДУ

Целых шесть лет он возглавлял балетную труппу Парижской Оперы, но даже тогда он продолжал танцевать. А по ночам он, одевшись в модный кожаный наряд, отправлялся в клубы, часто с друзьями из группы Энди Вароля. Однажды в 1967 г., дав представление в Сан-Франциско, он вместе с Фонтейн «разгуливался» в районе Хейт-Эшбури. Кто-то из обитателей района пожаловался на шум: приехала полиция, и гости разбежались кто куда. В конце концов полиция нашла двух партнеров на крыше одного из близлежащих домов: обоим пришлось провести пять часов в участке, пока их не выпустили на свободу под залог.

В 70-е гг., ближе к сорока годам, балетные критики начали приставать к нему с распросами: когда он собирается покинуть сцену? Этот вопрос он не любил, однако его выступления уже носили печать приближавшейся старости. Его техника всегда была неровной (возможно, из-за позднего начала серьезной балетной работы), однако погрешности формы компенсировались его удалью и магнетизмом. С годами эти лучшие качества стали с неизбежностью уходить. Его выступления становились все хуже, а в конце концов приобрели гротескную форму. Но это его не останавливало. «Я еще силен, - утверждал он в прошлом году. - Ну а критики - я их не замечаю».

То, что начиналось блеском, заканчивалось страданиями. В конечном итоге смерть, возможно, сохранила ту часть Нуриева, которой он сам дорожил больше всего: «Нуриева из легенды». Пусть память о нем останется с нами.

«Ньюсуик», США